

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

На литературные темы

(«Февраль» и литература)

Десятилетняя годовщина февральской революции вызывает вопрос: отразился ли «февраль» в русской литературе или казнуль для нея безслѣдно, безъ остатка поглотенный торжествующимъ «октябрёмъ». Октябрь «ограничился» и продолжаетъ отражаться. Госиздатъ издалъ нѣбный каталогъ книгъ, посвященныхъ октябрьской революціи. Это мѣсяць побѣдителей, которыхъ, какъ извѣстно, не судятъ, а ставостоятъ. Ну, а мѣсяць побѣжденныхъ, - февраль?

Самый вопросъ этотъ объ «отраженныхъ» говорить о нѣкоторыхъ характерныхъ явленияхъ современной литературы. Духъ газеты, репортажа, снематографа, забыванье впередъ пѣтушкомъ, засмагриванье, подглядыванье вмѣсто истинно художническаго, медленно пристально наблюденья надъ жизнью распространяются все сильнѣй. Какъ это ни странно, но одинъ изъ первыхъ статей въ русской литературѣ «отражать» современность такой «чистый» и прекрасный художникъ, какъ Тургеневъ. За нимъ слѣдовали многие менѣе даровитые, и совершенно специализировался на отраженіи Боборыкинъ... Но осо-

бенно расширило оно въ наше время. Жизнь даетъ много матеріала: война, революція, новый бытъ! Въ Россіи же литературой властно завѣдуютъ нѣсколько критиковъ марксистскаго толка, для которыхъ въ «отраженіяхъ» чуть ли не весь смыслъ литературы. Литературѣ данъ, такъ наз., «соціальный заказъ» — отражать. И она его послушно выполняетъ. Правда, литература всегда отражала жизнь. Недаромъ Гомеръ является безцѣпнымъ свидѣтелемъ «гомеровской» эпохи. О Гомерѣ скромно и вспоминаетъ Луначарскій, требуя отъ совѣтскихъ художниковъ великихъ произведений искусства. И даже не великихъ, а величайшихъ, пропорціоально величій современныхъ событий, передъ которыми блѣднѣютъ жалкіе подвиги героев гроянской войны. Но разница между свободнымъ творческимъ синтезомъ художника и художественнымъ репортажемъ современного полубеллетриста такая же, какъ между любознательностью ученаго и любопытствомъ Добчинскаго. Французская революція такъ и прошумѣла не отраженной, и ждала столѣтіе Диккенса, Гюго, Франса, Алданова. Но знаете ли вы,

что изданы сборники «Октябрь въ русской литературѣ», «Октябрь въ русской поэзіи»? Знаете ли вы, что періодъ военного коммунизма изображенъ Бабелемъ, Пильнякомъ, октябрьскіе дни — Яковлевымъ, крестьянская борьба съ коммунизмомъ — Леоновымъ и т. д., и т. п.?

Какъ хорошо, что въ концѣ 18-го столѣтія не царилъ еще современный духъ безпокойства и любопытства, сколько повѣстей и повѣстусчекъ изъ революціоннаго быта остались бы потомкамъ! А можетъ быть, въ этихъ вещахъ сохранилось бы и кое-что цѣнное. Для созданія истинно художественнаго произведенія, вѣроятно, нужно, чтобы канули долгіе годы и остыли страсти. Но отдѣльныя наблюденія, отдѣльныя черточки прибавилась бы къ тому, что сохранили намъ о французской революціи газеты и мемуары. Февраль бытъ оставленъ въ некоемъ оффиціальномъ бытописаніемъ, въ этомъ его преимущество. Количественно отраженія его въ литературѣ немногочисленны. Да, и не очень цѣнны бѣглыя его зарисовки тѣмъ или инымъ художникомъ. Но художникъ все же остается художникомъ, не теряетъ своего глаза, своей особой чувствительности, даже когда становится репортеромъ. Къ тому же далеко не все написанное о февралѣ только репортажъ. Рядомъ съ мемуарами политиковъ имѣютъ кое-какую цѣнность и записи этихъ импульсивныхъ, неустойчивыхъ, склонныхъ къ фантазіямъ (съ точки зрѣнія политика), но все же зоркихъ и чуткихъ людей, которыхъ (иногда всуе) мы зовемъ художниками, поэта-

ми, беллетристами. И, можетъ быть, не бесполезно дать бѣглый обзоръ ихъ мемуаровъ или дневниковъ. Я настаиваю на этихъ наименованьяхъ, потому что даже облеченные въ форму рассказовъ или романовъ, они являются въ сущности записями, воспоминаніями, и нѣтъ большой разницы между имитаціей романа у Алексѣя Толстого и имитаціей воспоминаній у Шкловскаго. Все равно, поддѣлывается ли правда подъ вымыселъ или вымыселъ подъ правду. Намъ интересустъ въ данномъ случаѣ только правда, увидѣнная художникомъ (хотя бы и очень субъективная).

Правдиво и сильно рассказалъ о февралѣ и вообще о революціи Ремизовъ въ своей книгѣ «Взвихренная Русь». Съ нимъ можно не соглашаться, но нельзя не почувствовать искренности и глубины его переживаній. Ремизовъ рассказываетъ о себѣ, о своемъ, ремизовскомъ, со своей особой замисловатой безхитростностью и лукавою болью. Немного видѣлъ онъ, никуда почти не ходилъ, ни съ кѣмъ не боролся, сидѣлъ въ своемъ углу, куда ходила къ нему какая-нибудь старуха Акумовна, у которой «толстый ротъ (деспной вѣсть)», или полоторный мастеръ Терентій Ермоласевичъ, или атеистъ кунецъ Фроловъ со своимъ тупымъ «богъ есть быкъ». Но жалостью, робостью, умнымъ сочувствіемъ многое понять онъ въ революціи, можетъ быть, больше, чѣмъ иные книжники и фарисеи съ готовыми формулами и иностранными словами.

«Поднялась старуха Акумовна, растопырила по лягушечьи черные

костлявые пальцы, по итичьему разинулась.

— Ой, что то будет то, Господи, что будет то! 14-го всё до единого пойдуть... Въ казенное... въ это... А не 14-го, такъ на будущей недѣлѣ въ четвергъ»

— Ой! что то будетъ, Господи!

А непременно будетъ, весь Бурковъ домъ зналъ, весь Петербургъ».

Это общее знанье, всеобщее предчувствіе неизбѣжности революціи характерно для февраля. Оно отмѣчалось не разъ, такъ же какъ отсутствіе сознательной подготовки революціоннаго взрыва, ничтожность партійной агитаціи. Вотъ что пишетъ въ «Сентиментальномъ Путешествіи» другой наблюдатель февральскихъ дней — Шкловскій:

«Агитаціи въ частяхъ не было... я говорю про партійную агитацію; но и при ея отсутствіи все же революція была какъ-то рѣшена, — знали, что она будетъ...»

Такимъ образомъ февральская революція рисуется одной изъ безпримѣсно - стихійныхъ народныхъ, а не партійныхъ революцій. Въ то время, какъ октябрь былъ организованнымъ захватомъ власти, руководимымъ партійнымъ штабомъ — февральская революція не была сдѣлана, а «сдѣлалась» сама. Она была сознательнымъ порывомъ къ свободѣ или нервнымъ припадкомъ въ квалификаціи ея враговъ, но никакъ не искусственнымъ созданіемъ партій и политиковъ.

Цѣлую главу посвящаетъ Ремизовъ загадочному вопросу о роли въ революціи «хлѣба»... Его личное свидѣтельство категорич-

но: «хлѣба не было и крупъ осталось всего на донышкѣ. Хоть бы крупъ достать!» И хотя крупъ онъ досталъ цѣлый мѣшокъ и передъ этимъ, къ тому же, и пообѣдать «цѣмъ Богъ послать», но все же охватилъ видно и его съ непривычки (послѣ и не къ тому привыкли!) не голодъ, нѣтъ, а скорѣе **страхъ** голода. Мастерски описываетъ онъ толпы народа, эти «безликіе рты-пасть, когорую надо заткнуть хлѣбомъ», эти знамена съ надписью «хлѣба!» И какое-то смутное, смѣшанное съ требованіемъ хлѣба ожиданіе другого — воли: «такъ вотъ и распахнется дверь и выпустятъ насъ всѣхъ на волю». Мечталось о волѣ какъ о хлѣбѣ!».

Такъ, очень относительно, едва ли не почудившіися голодъ («продовольствіе стало плохо по **тогдашней 'мѣркѣ'**» пишетъ Шкловскій) и смутное ожиданіе воли, и многое другое слились въ одно — въ революцію. Въ ней было освобожденіе «словно прорвалось что то и вотъ легко.» Словно облегчающій душевную тяжесть нервный припадокъ... «Судь не посужаемый» называется ес Ремизовъ... «съ улицъ вылѣзали и ползли мнѣ навстрѣчу — лица необычныя: перекопшенныя, передернутыя, сухія, колчепыги, завитнашки, это ли **обяда** выползла изъ своихъ скрѣпъ, угловъ и норей — сползались придушенные и придавленные — **обяда** выходила съ своей горечью творить судь непосужаемый.» А потомъ побѣда и первые дни на своей волѣ. Яркій солнечный день и народъ, ходящій съ «темнымъ сердцемъ и открытымъ, съ доброй во-

лей и злымъ умысломъ.»

«Стоили кучками, слонялись. Ну, какъ на Пасху. И красные доскуты у всякаго — пасхальныя.»

Увы, въ эту Пасху врываются уже зловѣщія слова: «теперь нужна еремѣвская почъ.» И даже по словамъ какого-то солдата — «по приказу Родзянко».

Цѣлый рядъ наблюдателей отмѣчаютъ исключительно радостный, праздничный характеръ первыхъ революціонныхъ дней.... Слово «Пасха» употребляеть не одинъ Ремизовъ... Шкловскій, нафосъ книги котораго «Сентиментальное путешествіе» именно въ отрицаніи сентиментальности, въ иронической правдивости, даже этотъ enfant terrible употребляетъ то же самое выраженіе: «Я былъ счастливъ съ этими толпами. Это была Пасха и веселый, масленичный, наивный, беззатаберный рай.» «Было хорошо Рѣка несла всѣхъ, и вся мудрость состояла въ томъ, чтобы отдаваться ея теченію.» Даже дни революціонной борьбы изображаются имъ какъ-то особенно легко и радостно: «Было дивное солнечное утро. Съ веселой стрѣльбой выбѣгали изъ казармъ возставшіе преобразенцы въ новыхъ шинеляхъ съ очень яркими красными петлицами.» «Солдатъ, открывшій мѣ дверь, спросилъ меня: Вы, Викторъ Борисовичъ, за народъ? — и на утвердительный отвѣтъ сталъ цѣловаться. Мы всѣ много цѣловались тогда. Та же самая картина и у Алексѣя Толстого: «Казалось, не можетъ быть больше ни войны, ни ненависти: — казалось — нужно еще куда-то на какую-то высоченную колокольню вздернуть красное знамя, и

весь миръ пойметъ, что мы всѣ братья, что нѣтъ другой силы на свѣтѣ — только радость, свобода, любовь, жизнь...»

И Зайцевъ отмѣчаетъ въ своемъ «Золотомъ Узорѣ» весеннюю пасхальность начала революціи

«Было сумбурно, весело въ Москвѣ. Какъ будто всѣ помолодѣли, всѣ надѣялись на что-то, нервность, трепетъ. И — что для русскаго всегда пріятно, — стало ясно, что теперь работать можно меньше.» Последнее характерно, думается не столько для русской, сколько для всякой праздничной психологіи.

И то же свѣтлое пикованье найдемъ мы у поэтовъ. «Это весенняя революція!» чирикали воробы въ Эренбурга. (Вскорѣ они зачирикали совсѣмъ другое)

И если есть межъ насъ Иуда,

Бродящій въ порохѣ осинъ,

То и надъ нимъ всевластно чудо..

висать Сологубъ 15 марта и вѣрять, что

Соединенья вѣсть благая

Создастъ ограды новыхъ стѣнъ.

Надъ зовущимъ — дѣти Лота

Напомнятъ горькой соли ступи

Насъ ждеть великая работа

И праздникъ озаренныхъ толп».

И такъ же праздничны, радостны, молитвенны стихи, посвященные февралю, у будущаго оффициальнаго пѣвца октября — Маяковского.. Будущіе враги февраля (и Маяковский не одинокъ въ этомъ) тогда были захвачены силой всепароднаго ликования

«...И вотъ невѣдомо

Изъ пѣвня толпы ль

Изъ рвущейся мѣди ли трубъ
гвардейцевъ,

Нерукотворный,
Спящемъ пробивая пыль,
Образъ возросъ,
Горить
Рдѣется.
27-ое,
Разлился по блескамъ дуть и
лезвий

Разсвѣтъ,
Рдѣль, багрянъ и дологъ,
Въ промозглой казармѣ
Суровый,
Трезвый,
Молился Вольнскій полкъ.»

Таковъ былъ февраль. Въ октябрѣ не было радости даже у побѣдившей партіи! Многимъ, которые пережили всѣ ужасы, смѣнившіе недолгій праздникъ, стала ненавистна самая память о тѣхъ дняхъ, какъ о злой иллюзии и обманѣ. Но обмана не было, была только непрочность, мгновенность... Не для того ли чтобы спасти память о февралѣ З Гиппиусъ, а за ней Степунъ выдвинули теорію о «мигѣ» февральской революціи. «Революція не имѣетъ дня» пишетъ Гиппиусъ. «Въ истинномъ значеніи слова, революціей слѣдуетъ называть не то, что мы обыкновенно называемъ, но революціонный моментъ. Въ немъ Божій духъ свободы соединяется на мигъ съ земною плотью... Она одинъ изъ порывовъ внѣвременнаго во временное.» «Все что было послѣ этого «мига» не было революціей, а послѣ-революціонной эпохой». Этой теоріей тѣ, что пережили святость февральскаго «мига», защищаютъ его отъ того, что пришло за этимъ мигомъ. «Пусть многіе проклинаютъ революцію, продолжаетъ Гиппиусъ — . Это ничего не мѣняетъ. Все таки соединяющей лучъ

лежалъ на человѣческихъ лицахъ, все таки — это было.»

Память о февралѣ омрачаетъ то, что онъ былъ преддверіемъ и потому можетъ казаться причиной октября. Увы, иногда, если отвлечься отъ лозунговъ, отъ формъ, отъ всего внѣшняго — невольно изумляешься слодству **всѣхъ** революцій. Тогда невольно охватываетъ сомнѣніе: Да, полно, существовалъ ли, былъ ли въ мірѣ февраль, какъ особое по существу, онтологически отличное отъ послѣдовавшаго за нимъ октября? Февраль сбросилъ вѣковыя формы, привычныя пути, но освободилъ онъ не гворчскія, а разрушительныя стихіи въ рускомъ народѣ. И бушевать онѣ начали чуть ли не на другой же день послѣ переворота.

«Одного городского везли въ санкахъ — на санкахъ кладь возять — лежалъ онѣ ничкомъ привязанный и разможенная нога его болталась въ крови. Два солдата сидѣли по бокамъ и одинъ ихъ нихъ сломаннымъ прикладомъ долбилъ его по шее.»

Бабамъ посчастливилось, бросились онѣ къ санкамъ — дорвались звѣроподобныя! — и вцѣплялись несчастному въ уни.» (Ремизовъ)

Это уже былъ «октябрь»

«Вотъ землю теперь трудящимся, — сказала швейцарь, — я тоже получу!»

«Зачѣмъ вамъ земля? Вѣдь вы всю жизнь въ городѣ живете?»

А онѣ подумалъ, и словно бѣ и согласенъ, потомъ вдругъ нашелся:

«Ну, я деньгами согласенъ получить». (Ремизовъ).

«Пошелъ я въ парикмахерскую

постричься и напоролся на митингъ.

Главный мастеръ кричить .

— Теперь такое время, надо рвать. А то поздно будетъ.»

А самосуды! «Въ Ташкентѣ самосудомъ прикончили Коровиченку. И когда лежалъ онъ на полу, полунстерзанный, при послѣднемъ издыханіи, образовался хвостъ — очередь — пускали за 30 копѣекъ по очереди плевать въ лицо умирающему — хвостъ плевательный»...

Это уже былъ октябрь. И только, только первый, краткій «мигъ» можно обособить и противопоставить всему, что произошло позже.

Если считать установленнымъ, что темныя силы прорываются изъ нолю въ каждой революціи, если въ русскомъ народѣ этихъ темныхъ анархическихъ силъ благодаря его исторіи накопилось очень много, то взрывъ ихъ, а слѣдовательно и срывъ революціи совершился быстрее и легче потому, что революція произошла во время войны... Въ самой пасхальности, праздничности начала революціи таилась величайшая опасность. Отъ праздника, можетъ быть, возможенъ безболѣзненный переходъ къ буднямъ къ работѣ, освященной свѣтомъ праздника. Но какъ было перейти отъ пасхи къ трагической дѣйствительности войны? Праздникъ революціи психологически для массъ замѣнилъ и предварилъ еще не возможный, неосуществимый праздникъ мира. Не знаю, родилась ли революція изъ жажды мира. Но она эту жажду удешевила... Каждая революція хилиастична и потому такъ легко попадаетъ

въ руки фанатиковъ и демагоговъ. Во Франціи эту хилиастическую жажду удалось какимъ-то чудомъ превратить въ военный энтузіазмъ, и мы видѣли революціонныя войны. Попытка осуществить то же самое въ Россіи была сдѣлана въ началѣ революціи. Но она не удалась. И борьба между миромъ и войной оказалась одной изъ самыхъ трагическихъ ея страницъ.

«По утру въ понедельникъ — рассказываетъ Ремизовъ — (это еще въ самые первые дни революціи) приходитъ Терепгій Ермолаевичъ, полотерный мастеръ, по счету получить.

Ну что — говорю — какъ на Невскомъ?

А онъ смотритъ весело и шинель его солдатская разстегнута. — Войнѣ конецъ.»

Кто не помнитъ эти разговоры на улицахъ?

— «Безъ аннексій и контрибуцій!

Да здравствуетъ миръ между народами!

Долой Миллюкова!

Началось! Причемъ Миллюковъ! А вы читали, что сказалъ Миллюковъ?

— Война безъ конца.

— Не безъ конца, а до побѣдного конца.» (Ремизовъ).

Эренбургъ въ Хуліо Хуренито даетъ не лишнюю правды картинѣ фронта въ первые дни революціи. Тутъ тоже была своеобразная пасха, неумѣстный, трагикомическій праздникъ. «Никто не стрѣлялъ, и со стороны русскихъ окоповъ раздавались звуки «интернаціонала», и видѣлись красныя плакаты съ надписями : братья идите къ намъ! Маршировав-

шія въ полномъ порядкѣ роты германцевъ по командѣ офицеровъ: «направо, цѣлуйте русскихъ!» обнимали скуластыхъ бородатыхъ пермяковъ и вягичей, которые кряхтѣли въ восторгѣ, крестились и плакали.»

Увы это начиналось идилліей. Кончалось же часго какъ въ сценѣ «Хожденія по мукамъ» Алексѣя Толстого, идѣ наглядно и нѣсколькочленовенъ изображено столкновение интеллигентскаго идеализма съ жаждой мира солдатскихъ массъ.

«— Господинъ военный комиссаръ, вы намъ сладко говорили, мы васъ сладко слушали... Теперь вы на мой вопросъ отвѣтите... сдохла у меня лома коровешка, самъ я безлоцадный, и хозяйка моя съ дѣтьми пошла по міру... Значитъ теперь имѣете вы право разстрѣлять меня за дезертирство?»

— А ты самъ кормилъ вшей въ окопахъ?...

— Подари ему тройку на разводку...!»

Кончается эта сцена ужаснымъ избіеніемъ комиссара.

Но «Хожденіе по мукамъ» одно изъ самыхъ неудачныхъ произведеній Алексѣя Толстого и картины его блѣдны. Гораздо интереснѣе короткій рассказъ того же автора «Бывалый человѣкъ». Интересенъ онъ тѣмъ, что показываетъ какъ во Франціи, въ русскихъ условіяхъ, революція въ солдатской массѣ привела къ тѣмъ же явленіямъ какъ на родинѣ, къ жаднѣ мира во что бы то ни стало, къ отказу сражаться. Это былъ какъ бы пробнорочный опытъ въ искусственно созданныхъ условіяхъ, не мѣняющихся и не помога-

ющихъ дѣйствию основныхъ стихійныхъ психическихъ силъ... Но тому, кто ховетъ глубже взглянуть, нагляднѣе увидѣтъ какъ «февраль» переходитъ въ «октябрь» въ русской революціи — нужно прочесть яркіе и страшные своимъ звѣршимъ духомъ рассказы и романы Артема Веселаго. У него, не подъ перомъ сторонняго наблюдателя, а какъ бы самостоятельно, изнутри выявилась огненная, темная, вихревая, безумная стихія революціи... Съ жуткой живостью дѣйствуетъ у него матросская и солдатская волюница. Въ послѣднемъ романѣ «Россія кровью умытая», раздѣленномъ имъ не на главы, а на залпы, хорошо отразилось начало революціи на далекомъ гурецкомъ фронтѣ. «Намъ, господинъ поручикъ, умирать не хочется. Слава богу, до свободы дожили и умирать не желаемъ!» «Бить ихъ, всѣхъ подрядъ, и большевиковъ, и меньшевиковъ, и буржуазію золотобрюхую! Солдаты страдали, солдаты умирали, солдаты должны забрать всю власть до послѣдней копейки и раздѣлить все поровну».

«Расей! Шо не таке вона за Расей? Расей естъ пригонь буржуазей Кончай войну! Бросай оружье!» «Эсеры, лярвы, хорошая партія, меньшевики, гады, не плохи, ну а большевики, стервы, лучше всѣхъ. Таковой нашъ кличъ по всей Россіи огнемъ хлестнуть

рабочій пошелъ буржуа бить, мужикъ пошелъ помѣщика грочить, а вы фронтъ поломали и кшите домой.»

Кто пережилъ революцію, видѣть ее, слышать такія рѣчи, тотъ не могъ не задуматься надъ ея грагическими антиноміями. Тому

не могутъ быть вполне чужды и непонятны тѣ чувства отталкиванія и какъ бы душевной самозащиты, которыми полна книга Ремизова. Ремизовъ не отвергаетъ революцію (было бы странно отвергать пожаръ, весну, землетрясеніе, непреложныя явленія природы, говорить оныя). Но ему отвратительна жестокая огромная безличная стихія, и это . . . отвращеніе Ремизовъ вкладываетъ въ странную формулу, напоминающую слова подпольнаго человѣка у Достоевскаго :

«Человѣкъ или стихія?
Революція или чай пить?»

Это «чай пить» символъ всего личнаго начала, всей индивидуальной прелести и красоты жизни.

«Стихія безразлично : вскрутить, попадешь, — истопчешь, сметешь какъ не было!» Революція — это «въ мясь копать» человѣческомъ... накупить съ старыхъ неплатныхъ долговъ — месть, злоба — весь вывертъ жизни и неизбежность проклятія...» Это «вздвигнуть и взершть...» Это весенняя пакатывающая волна и въ крути вертящіяся палочки — самое сумбурное, ни на что не похожее, веселнее, когда все летитъ вверхъ тормашками, палочки вертящіяся.

И я стиснулся весь, чтобы самому какъ не закрутиться такой палочкой!»

Протестъ подавленной личности сливается у Ремизова съ чувствомъ скорби за поруганную Россію. Въ главѣ о службѣ въ Успенскомъ Соборѣ подымается онъ до вершинъ трагическаго пафоса.

«Ободранный и нѣмой стою я въ пустынь, гдѣ была когда-то Россія.

Душа моя запечатана!»

И въ своемъ антиреволюціонномъ пафосѣ доходить онъ до того что говоритъ : «Я хочу неволи вмѣсто свободы, хочу рабства вмѣсто братства, хочу узъ вмѣсто насилія!»

Но, разумѣется, эти слова только бутада, вызванная горечью и болью... Ремизовъ прекрасно понимаетъ, что хотя «революціонная катастрофа топчетъ человѣка», но все же она «для человѣка», и смыслъ ея въ новомъ рожденіи Россіи, въ новомъ ея утвержденіи. Онъ понимаетъ, что

«Россія ударится о землю, чтобы подняться и сказать всему міру

— Азь есмь!»

Въ этомъ «Азь есмь!», въ этомъ мигѣ самоутвержденія есть и оправданіе революціи и надежда на освобожденіе.

М. Цетлинъ.

Режиссеръ и театръ

Всякое появленіе русскаго театра, будь то Дягилевскій балетъ, группа Художественнаго театра, театръ Хабима или даже Летучая Мышь Баліева, вызываютъ у французскаго зрителя ощущеніе неожиданности, непохожести на

его обычное представленіе о театрѣ. Точно такъ же русскіе люди, пріѣзжающіе за послѣдніе годы въ Парижъ изъ Россіи, ошарашиваютъ при первой встрѣчѣ съ французскимъ театромъ недоумѣніе, схожее съ разочарованіемъ,